

СЛОВО О МАТВЕЕВОВОМ КУРГАНЕ

«О. Волкова гора и Миус!
абыть вас невозможно, нет
Хотя б мы жили сто и больше
лет...»

(Из стихотворения недавно умершего моего фронтowego друга, бывшего комбата Никола Зайцева).

Против Волковой горы, у Миуса, о которых так взволнованно писал мой друг, раскинулся обласканный южным солнцем поселок Матвеев Курган. Ныне это районный, поселок-труженик, каких немало на юге России. Но для тех, кто бывал в нем в войну, он единственный, неповторимый для них. Он сродни знаменитым севастиопольскому Малахову и волгоградскому Мамасву кургану. Годится к ним не только общие слова в названии. Сближает испытание, выпавшее на долю поселка в Великую Отечественную, его суровая солдатская судьба.

Дважды — зимой 41-го и весной 43-го к Матвееву Кургану подкатывался огненный вал фронтов. Оба раза поселок оказывался не в тылу или прифронтной полосе, а на самом переднем крае, причем не на день или неделю, а на многие месяцы. И сколько оживает в душе ветеранов, когда вспоминают они эти месяцы! Солдаты разных периодов помнят вое.

Я ОДИН из 41-го и 42-го В декабре, преследуя отступавших из-под Ростова гитлеровцев, наша 339-я стрелковая дивизия вступила в Матвеев Курган. Поселок горел. При свете пожаров комбат Зайцев, отдавая приказ, развернул карту-двухверстку. За квадратиками Матвеева Кургана с запада тонкой змейкой вилась речка, а дальше за ней густо сходились горизонталы. Что это означало, мы в полной мере поняли, когда на рассвете, пройдя долину, оказались под шквальным огнем с крутой горы. То была Волкова гора. Мы отошли тог-

К 40-летию Великой Победы.

да к поселку, начали окапываться по окраине.

За долиной на горе и соседней с ней возвышенностях окапывались немцы. В землю зарывались мотострелки, гренадеры, танкисты Клейста, до того победоносно промаршировавшие по Польше, Бельгии, Франции, Чехословакии. Привыкшие квартировать в теплых отелях европейских столиц, они втискивались теперь в сырые землянки. Зима же на редкость была суровой. Выюги заметали вражеские окопы, колючая поземка обжигала холенные лица ракетчиков, дежуривших на постах. Перед ними же близко, вот рукой подать, только перейти долину, простирался большой населенный пункт. В погожие дни отсюда с заснеженных высот немцы видели каждый домик Матвеева Кургана. Над ними домами из труб курчавились дымки. В бинокль ефрейторы замечали людей, перебежавших улицы. Поселок манил их теплом и уютом. И случалось, фрицы и гансы (так презрительно называли мы гитлеровцев) не выдерживали искушения. Открыв бешеный огонь из пушек и минометов по нашей обороне, немцы вылезали из нор, переходили в наступление. Темными фигурками покрывалась заснеженная долина. Они все ближе, подогретые пнасом, оруд, строчат из автоматов.

И НОГДА немцам удавалось перейти Миус, зацепиться за окраинные хаты.

Схватки, переходившие в рукопашные, завязывались у железнодорожного моста. В январе 1942 г. немцы предприняли около 10 атак. Однако великий раз отбрасывались за речку.

Матвеев Курган оставался за нами. Он стоял, подобно утесу, гордый, свободный, недосыгаемый для врага. И что характерно, не было в нем никаких курганов, высот или других укреплений. Обыкновенный равнинный поселок. Да и сил-то наших в ту пору было не густо. Западную окраину оборонял поредевший в боях под Ростовом батальон старшего лейтенанта Никола Зайцева, фланги открыты. До соседних батальонов, находившихся где-то у Большекирсановки и Ряженого — километровые разрывы. Военный человек знает, что это значит. Комбату в критических случаях приходилось полагаться только на стоящую позади батарею Илья Демченко, да на резерв — роту автоматчиков, которой мне довелось командовать. В роте же насчитывалось около 40 бойцов. Мало, слишком мало. Но что это были за люди!

ПОМНЮ автоматчика черкеса Хамзета Капова. Молчаливый, расчетливый, он одинаково мастерски владел и «ППШ», и снайперской винтовкой. С ней днями просиживал в заброшенном помещении фермы, находившейся между нашими и немецкими позициями. Однажды там его застала очередная вылазка немцев. Он пропустил их мимо, а когда те поднялись в атаку, стал бить им в спину. Стрелял без промаха. 19 гитлеровцев упали на снег, прежде, чем враг понял, где укрывается русский снайпер. С Волковой горы по ферме ударили минометы. Они срывали ферму с землей. Мы уже попрошались с Хамзетом. Но спустя сутки он приполз в по-

селок в обгоревшем, изорванном осколками ватнике, с обгоревшей головой. На него тяжело было смотреть. И я приказал санитарному персоналу немедленно отвезти Капова в госпиталь. Там он и скончался.

— Что хотите делаете, не пойду. Винтовка исправна, а ружья заживет и здесь, в роте.

Помню также бесстрашных автоматчиков Мошкова, Аршинченко, лейтенанта Полякова.

Не забыть и самого комбата Никола Зайцева, офицера завидной храбрости. Он не раз водил роты в атаку; а когда у поселка создавалась трудная обстановка, сам ложился за «Максим». Одно время не везло нашим разведчикам. Они не могли взять «языка». Тогда комбат повел разведчиков в поиск. Вечером переправился с ними через Миус, устроил засаду у самых окопов гитлеровцев, а утром на командном пункте полка был уже доставленный им, мокрый, дрожащий от страха немецкий ефрейтор. Орден Красного Знамени — высокая награда за этот подвиг украсила тогда грудь комбата. Позднее он повторил разведку. И вновь вернулся с пленным.

Подстать Зайцеву был командир батареи, которая подерживала батальон, Илья Степанович Демченко. Как часто просили мы: «Выручай, дай огонька». Он не всегда отвечал на просьбы, ссылаясь на лимит боеприпасов. Это было действительно так. Но когда начинал стрелять, каждый снаряд ложился в цель. Он буквально глушил досаждавшие нам немецкие минометы. Чтобы точнее бить, огонь корректировал

(Окончание на 4-й стр.)

«ЗВЕЗДА»
27 апреля 1983 года.

СЛОВО О МАТВЕЕВОВОМ КУРГАНЕ

(Окончание. Начало на 3-й стр)

нередко с окопов нашего боевого охранения.

У него был актив. Случалось, к нему на КП появлялся живший за оврагом у фермы инвалид дядя Миша. Визжал по лесенке на чердак, докладывая:

— Высмотрел на Волковой горе бугорки свежей земли. По коже, немцы новые блиндажи огрыбают. Шарахнул бы по ним, командир.

ТУТ САМОЕ место скатать о наших друзьях, соратниках и помощниках, жителях Матвеева Кургана. До сих пор не забыть радость, слезы с какими встречали они бойцов батальона той декабрьской ночью 41-го. В поселке горели школы дома, подожженные немецкими факельщиками. Сбив пламя со своих домов, хозяева зывали к себе на постой, подавали на стол все, что сумели сберечь от гитлеровцев.

Автоматчики моей роты разместились тогда в домике Лукерьи Акименко, что стоял на Пионерской улице. В нем жила еще Мария Михайловна Мутова зова, заведовавшая до войны детским садом. Она подарила роту самое дорогое, что имела — патефон. В избу стали собираться соседи. Наперебой рассказывали, как готовили и измыивались над ними немцы, как убили колхозника только за то, что тот пытался спасти подожженную ими мазанку. После кошмара оккупации люди надеялись: мы погоним немцев на запад. Но фронт стал. И вот новое испытание. На улицах не только рвались мины, но и свистели пули. Наше командование предлагало всем эвакуироваться, предоставляло транспорт. Кто выезжал, но другие хмуро спрашивали:

— Вы что же, думаете отступать?

— Нет, — объясняли мы, — беспокоимся о вашей безопасности.

— Не волнуйтесь — успокаивали хозяева. — Как-нибудь переживем, пока стихнет немца с высот.

И ОНИ, наши соседи по окопам, не просто пережили. Вечерами, прикрыв окна ставнями и подушками (защита от мелких осколков), женщины стирали солдатское белье. В избах скрежетали ручные жернова, хозяйки размалывали где-то добытую кукурузу, чтобы испечь нам лепешки — добавить к фронтовому пайку. Были среди жителей добровольные наблюдатели, вроде дела Алеши, являвшегося на НП батареи Демченко. Были проводники, всегда готовые провести разведчиков — только им известным тропинкам.

Помню старика (фамилия вроде бы Чурилов), который, не разгибаясь, сутками просиживал с молотком и шилом, подправляя салоги бойцов. Возвращая их владельцам, шелкет бывало по подметке пальцем, подмигнет:

«До Берлина выдержит, хлопца».

В начале марта я застал его за ремонтом плуга. Интересно: «Это-то к чему?». Объясняет: «Весна подходит. Пахать, сеять надо». Спрашиваю: «Где же сеять собираешься? Ведь фронт-то кругом». Отвечает: «Завтра фронт может двинуться, побегут супостаты. Вон какая силаща идет в поселок».

Приметлив был старик. В те дни готовилось наше наступление. В Матвеев Курган прибывали морские стрелковые бригады. На рассвете 8 марта моряки вместе с нашей и соседними дивизиями пошли на

штурм укрепленной Миус-фронта. Всклудились огнем, вздрогнула от грома пушек долина Миуса. Начался кровопролитный бой. Много было раненых. Переполнились ими пункты санрот. И тогда на помощь военным медикам пришли матвеево-курганские колхозницы. Валентина Ивановна Паукова, Мария Филипповна Годий, их соседи превратили свои дома в лазареты. К высотам, где кипело сражение, ушли девушки комсомолки Евдокия Туркова, Ольга и Мария Московы, Наташа Коробчанская. Под пулями и минами подбирали упавших бойцов, перевязывали им раны, относили в избы, передавая матерям.

На поле боя появлялись ребята. Не забыть картинки: по спаленной взрывами заснеженной долине Миуса мальчишка на санках-волокушах тянет раненого в голову нашего пулеметчика. Мальчишка утирает пот, выступивший из-под шапки, прямо налегает на ляжки санок. Иногда оглядывается назад, локним басом успокаивает:

— Потерпи, дядя, скоро придем к доктору.

Паренек тянул свою трудную ношу по полю, которое надеялся вспахать старый колхозник Чурилов. Не сбылась в ту весну мечта хлебороба. Доли на Миуса еще долго оставалась нейтральной полбсой, которую засеивала лишь смерть.

Т ОЛЬКО в августе 1943г. рухнули укрепления Миус-фронта. Сокрушили их солдаты, позади которых был Сталинград. Я же пишу об однопольцах, сражавшихся на Миусе в самую тяжкую пору войны. Много их пало под Волковой горой, осталось в заснеженной долине Миуса.

Редеют и ряды ветеранов, переживших войну, дошедших до Победы. Недавно ушел из жизни мой славный комбат Нил

Александрович Зайцев. Осложнились, дали о себе знать старые раны, полученные в разрядке под Матвеевым Курганом. Не стало героической командира полка Ивана Иосифовича Цедуро. Но в Черкесске живет Хамзет Каюв, в Сочи — Илья Демченко. Им и другим здравствующим моим фронтовым друзьям не забыть Матвеев Курган. Помнят не только горькие потери, тяжесть неравных боев. Там, на Миусе, сдали они экзамен на верность Родине, там, под огнем, родилась наша чистая фронтовая дружба, над которой не властно время. Сквозь толщу лет из далекого далека светят нам глаза матвеево-курганских женщин, детей, стариков, деливших с нами невзгоды передовой, бывших нашей опорой, кришким ближним тылом. Мы помним о них, беззаветных патриотах. Наш ветеранский им поклон!

БЫВАЯ в Матвеевом Кургане после Победы, на праздниках и слетах, мы неизменно сравниваем нынешний поселок с тем, каким оставили в войну. Матвеев Курган буквально возродился из пепла, растет и хорошеет. Знаем, это сделано руками нынешнего молодого поколения. Оно достойно продолжает традиции дедов и отцов. Новых успехов вам в труде, нынешние хозяева героического поселка на Миусе, счастья вам, мирного неба. С 40-летием Победы, дорогие, незабываемые матвеево-курганцы!

А. ГОЛУЗОВ,
участник боев на Миусе,
бывший командир роты
автоматчиков 1327 стрелкового полка 339 СД.,
член Союза журналистов СССР.
г. Псков.